Оба писателя высоко ценят «философские знания», «науку», «мудрость», которые они стремятся поставить на служение своим политическим идеалам. Именно поэтому астрологию и Карпов и Пересветов пытаются использовать в целях укрепления власти самодержца.

К числу основных представлений, характеризующих политические воззрения обоих публицистов, относится понятие правды как справедливых форм государственного устройства. У Карпова это понятие еще только декларируется и не раскрывается во всем его многообразии.

Пересветов уже не столько рисует необходимость введения «правды» в государстве, сколько показывает пути ее внедрения. Эти пути, столь неясные для Карпова, Пересветовым очерчены в обстановке начавшихся реформ середины XVI века довольно отчетливо. Оба публициста резко выступают против «сильных» (Карпов) или «вельмож» (Пересветов), хотя критика тягостных последствий хозяйничанья бояр в стране ярче и конкретнее у Пересветова, испытавшего на себе результаты боярского правления в малолетство Ивана Грозного.

И Карпов и Пересветов выступают против «терпения» или «кротости», которыми настойчиво советуют руководствоваться в политике иные приближенные монарха. «Кротость» или «терпение» могут привести к разорению и гибели государства. Разница между публицистами только та, что острие этого утверждения у Карпова направлено против осифлянской церкви, а у Пересветова — против вельмож.

Оба идеолога дворянства стоят за укрепение самодержавной власти государя. Однако Карпов считает, что это укрепление может быть достигнуто «грозою», сочетающейся с «милостью». Карпов, писавший в 20—30-х годах XVI века, не ставит еще вопроса об устранении боярства от кормила правления страною. Иное дело Пересветов, писавший после ликвидации последствий боярской реакции. Для этого публициста «царская гроза» — это воля самодержца, решительно отстраняющего от управления коварных и праздных вельмож.

Таковы сходные черты и некоторые различия в общественно-политических взглядах передовых представителей двух поколений дворянских публицистов.

* * *

Сочинения Федора Карпова не были на Руси случайным, одиноким явлением среди несправедливо забытых произведений, появившихся во второй четверти XVI века. Следует указать на послание неизвестного автора к новгородскому епископу Макарию (1526—1542 гг.).[1] Это произведение представляет собой блестящий образец яркого литературного стиля и своеобразного строя мыслей автора, столь показательных для первой половины XVI века. В. Ф. Ржига, нашедший упоминаемое послание, отмечает у его автора «индивидуалистический порыв к славе, столь характерный для эпохи Возрождения».[2] Однако он напрасно связывает это послание лишь с западным влиянием. Автор этого послания

---

[1] ГПБ, собр. СПб. ДА, № 430, лл. 44—46 об. Рукопись середины XVI века. Водяной знак — перчатка (рука) с кружевами и с короной над нею (см.: А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих СПДА, СПб., 1894, стр. 390). Издано В. Ф. Ржигою (см. его работу: К вопросу о западном влиянии в русской литературе 1-й половины XVI в. Юбілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. II, у Київі, 1928, стр. 231—236).

[2] В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 231.